

18+

АНДРЕЙ ВОРОНОВ

Хроники выживания

АЙ ГОУ ФРОМ ХАЙФА

Андрей Воронов
Хроники выживания.
Ай гоу фром Хайфа

<https://litres.ru/74252853>

ISBN 9785007053747

Аннотация

Эта книга (первая в серии) — дорожная карта жизни, прожитой в вечном переходе. В ней запечатлены абсурдные, героические и по-житейски смешные моменты долгого пути, который начался в Украине, прошел сквозь зной и ракетные обстрелы Израиля и, наконец, обрел новый ритм среди туманных пейзажей западной Канады. Переходя от средиземноморского хаоса к первым тихим канадским рассветам на западе, вы почувствуете: где бы вы ни находились, чувство юмора поможет не сойти с ума и найти смысл в происходящем.

Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

1. ВСТУПЛЕНИЕ	5
2. ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ	6
3. ВОДНАЯ ВОЙНА	11
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Хроники выживания Ай гоу фром Хайфа

Андрей Воронов

© Андрей Воронов, 2026

ISBN 978-5-0070-5374-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

**ХРОНИКИ ВЫЖИВАНИЯ: ОТ ХАЙФЫ ДО БРИТАН-
СКОЙ КОЛУМБИИ**

1. ВСТУПЛЕНИЕ

Эта книга (первая в серии) — дорожная карта жизни, прожитой в вечном переходе. В ней запечатлены абсурдные, героические и по-житейски смешные моменты долгого пути, который начался в Украине, прошел сквозь палящий зной и ракетные обстрелы Израиля и, наконец, обрел новый ритм среди туманных пейзажей Британской Колумбии в Канаде.

Истории, собранные на этих страницах, посвящены выживанию. И речь здесь не только о физическом спасении, но и о выживании человеческого духа.

Переходя от средиземноморского хаоса к первым тихим канадским рассветам на западе, я надеюсь, вы почувствуете то же, что и я: где бы вы ни находились, чувство юмора и знание «древнеславянского» — это лучшие инструменты, чтобы не сойти с ума и найти смысл в происходящем.

2. ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ

Говорят, у человека, пережившего эмиграцию, в душе остается незаживающий рубец, а с психикой происходят необратимые изменения. Ну а дважды пережившего это дело нужно немедленно записывать в инвалиды. Головы. Ну а как же, человек добровольно пошел на все это еще раз. Немедленно записывать. А я считаю — врут, кто так говорит. Брежут. Все гораздо хуже.

В Израиле вновь обретенным гражданам полгода платят пособие, достаточное для рента квартиры и вполне комфортного проживания. Дают еще какие-то плюшки, скидки там на машину, компенсации за что-то. Заманивают, отвлекают халявой (кстати, «халяв» на иврите — молоко) от всего окружающего, берегут от шока. Культурного, погодного, вкусового и визуального, в конце концов. Так сказать, медленно приоткрывают новым репатриантам глаза на окружающую медово-молочную действительность.

А еще месяца 4—5 учат на специальных курсах ивritу. Бесплатно, конечно. Учились на таких курсах и мы. Я взялся за дело рьяно, даже делал домашние задания, по-моему, единственный из вновь обретенных одноклассников. И прогресс таки был налицо, особенно для человека, еще год назад уверенного, что в Израиле говорят на идиш.

Наш класс по гендерному составу был бедноват — только

мужчины и женщины, ну, дикие времена были. Представителей обоих полов примерно поровну. Со временем я стал замечать, что мужской состав класса стремительно тает. К середине курса нас осталось двое. Никакой мистики: мужики разбегались работать на заводы в окрестных кибуцах, где иврит не очень был и нужен, а платили очень неплохо, особенно за ночные работы и субботные. За работу по субботам местный, не отягощенный трудолюбием народ испытывал к нашим стахановцам определенные чувства. Мол, по субботам работать нельзя, а эти... Прямо на перемене прибегали люди и просто заманивали на их замечательный завод, фабрику и так далее.

Я же был тверд как скала. Хотел прилично выучить иврит и найти работу по специальности. Признаюсь, был юн, наивен и слабоинформирован — оптимист, так сказать. Наступил долгожданный день, нам выдали документы об окончании курсов и — вперед. Я свой уровень языка оценивал как очень хороший. Ну, во-первых, я знал гораздо больше, чем женщины, учившиеся со мной. А во-вторых, я уже легко общался практически с любым встреченным мною человеком.

Правда, общение было не очень разнообразным. — Ма нишма (как дела)? — первым делом спрашивал каждый. — Бэсэдер (в порядке), — бодро отвечал я. — Эйх, ба арэц охель тов (хороша жратва в Израиле)? — Тов меод (очень хороша), — жизнерадостно отвечал я. — Кама зман ата ба арэц (давно, мол, приехал)? — Хамеша ходашим (пять меся-

цев), — гордо отвечал я. — Иврит това (мол, здорово ты по-нашему), — цокал языком очередной смуглый собеседник. И все повторялось со следующим израильянином.

Окончив курсы, я первым делом пошел становиться на «биржу труда». Русскоязычный служащий, опасливо потыкав в клавиши компьютера, злорадно объявил, что специальности «геолог» в компьютере, то есть и в Израиле, не существует. Вот есть место на заводе минеральной воды сортировщиком — иди, мол, не выживайся. Так как я был владельцем высшего образования, то послать меня на любую работу не по специальности они не могли, и через месяц должны были начать платить мне пособие. Вот он и злился.

— А что есть близкое к геологу? Минут через пять поисков мужик наконец нашел: — Есть преподаватель геологии. «Здорово, геологов нет, а преподаватели есть», — подумал я. И вслух сказал: — Годится, записывай и ищи мне работу по этому профилю.

Ну а пока работу я начал искать сам. Искал все, что хоть как-то связано с геологией. В процессе обнаружил, что с полезными ископаемыми вообще и с нефтью в частности «ба-Арец» (в Израиле) не очень. Специально, догадался я, место выбирали, чтобы соседям не завидно было. Помогло это не очень (ну, насчет соседей).

Сначала меня чуть не взяли в геодезисты. Хозяин фирмы с сомнением смотрел на меня: — Если бы ты или иврит знал, или в компьютерах хорошо шарил, сразу бы взял. А так —

не могу. «Что он имел в виду, если бы я знал иврит?» — думал я. И наконец свершилось. На седьмой день поисков (смутно вертится в голове, как кто-то что-то сделал за семь дней, а... потом вспомню). Компания занималась проверкой бетонов, грунтов и немного инженерной геологией. Оттуда как раз уволился мой предшественник, геолог Феликс (мне бы насторожиться), а тут я. Оппа — получи минимальную зарплату, потом добавим. А я все равно счастлив.

Итак, первый рабочий день. На выездах, в поле, работали местные ребята, а вот в лаборатории — все выходцы с доисторической родины. Мне сказали поработать со всеми понемногу, войти, так сказать, в курс. Первым я познакомился с Юрой. Подвижный живчик лет шестидесяти, что-то напевая, бодро просеивал грунт через разноразмерные сита. — «И это пройдет» — кто сказал? — азартно подскочил Юра ко мне. — Молодец, знаешь, — несколько расстроился он. Но ненадолго и начал руководить: — Давай, помогай.

Мы начали возиться с песчано-каменной смесью, ничего почти не видя за тучей пыли. Вдруг подошел хозяин нашей фирмы и начал мне что-то вещать. Я, не понимая ни слова, уверенно кивал и повторял «бэсэдэр». Когда он ушел, я повернулся к Юре: — А что босс-то хотел? Задумчиво посмотрев на меня и замешкавшись на пару секунд, Юра ответил: — Не знаю, я не слушал, он ведь не мне говорил. И вернулся к своим камням.

А я, вздохнув, поплелся в кабинет к балабаю уточнять.

Это был мой первый рабочий день в Израиле и в этой компании, в которой я и проработал все девять с лишним лет жизни «баАрец». А на Юру я не обижаюсь. Тем более столько времени прошло с того дня. Точнее — 26 лет, три месяца и 7 дней.

3. ВОДНАЯ ВОЙНА

Наши друзья Ника с Гришей купили квартиру в новой семизэтажке (с количеством этажей могу ошибаться). Мрамор на кухне, джакузи и так далее. Но изюминкой квартиры на первом этаже был свой кусочек земли вокруг дома. Там здорово было выращивать цветочки и жарить слабокошерный шашлык, там же и употреблять его длинными северными вечерами, запивая чем-нибудь подходящим.

Почему северными? Так все происходило на крайнем севере Израиля. Ну и, конечно, там (в этом замечательном двореке) можно было сушить белье (электросушилки в те добрые простые времена были не в моде). Довольно скоро выяснилось, что у этого дворика-садика был один позиционный недостаток. Над ним, как Голанские высоты над долиной реки Иордан, нависали все шесть этажей. Ну, с Голанами Израиль вопрос решил, а вот с домом такие штучки не проходили.

Пару-тройку окурков, посланных кем-то сверху, Ника убирала ежедневно и практически молча. Но однажды взору охреневших Ники и Гриши предстала ужасающая картина. Все подсыхающее на ласковом (особенно ласковом в июле-августе) израильском солнышке белье было залито какой-то отвратительной субстанцией. Что случилось — было понятно сразу. Этажом выше жила марокканская семья.

Для тех, кто не в курсе, поясню. Все выходцы с необъятной (будь ты хоть Иванов, хоть самый расчудесный Бурхибершмой) в Израиле называются русскими. Ну а раз марокканцы — выходцы понятно откуда. На мой сугубо субъективный взгляд, отличаются они крикливостью, суетливостью и патологическим отвращением к любого вида труду (не все, конечно). Еще встречаемые мною представители этой группы обожают чистоту в своем жилище. В квартире — ни пылинки, но донести мусор десять метров до баков им не позволяет боязнь прослыть фраером. Наверное. Поэтому пакетами с мусором усыпаны все окрестные кусты. Ага, ветер пустыни унесет.

Так вот, соседка сверху помыла полы. Мыла так, как там моют все: ведро воды на каменный пол и шваброй погонять по квартире. Затем она собрала эту водичку и вылила с балкона. А что не так?

Опыт общения с данной народностью у Ники был. Когда-то в первые годы израильской жизни их дочь начали обижать в школе марокканские девчонки. Ника пошла к директору. Обижают на уроках? Нет, после уроков. Ну, говорит, ничего не можем поделать, разбирайтесь сами. Ну, это он зря сказал — сам виноват.

На следующий день Ника поджидала дочь, хрупкую симпатичную девушку с немного грустными карими глазами, стоя в тени эвкалипта. Выйдя из школы, дочь показала глазами на обидчицу. Ника с вежливой улыбкой стала подходить

к смуглой длинноволосой девице. — Ты Мириам? — Да. В глазах девицы явно читалось презрение. Что, мол, за ничемный народ эти русские, даже поругаться толком не умеют. Ее подружки подхихикивали, предвкушая удовольствие.

Но Ника уже подобралась на необходимую дистанцию. Молниеносный бросок — и роскошные волосы наглой девицы были в Никиных руках. Казалось, что Ника всю жизнь держала в руках чьи-то волосы, так ловко она обращалась с черной гривой. Ника таскала обидчицу за волосы по всему школьному двору: — ЕСЛИ. ТЫ. СУЧКА. ЕЩЕ. РАЗ...

Тут она опомнилась: что же это я делаю? Она же не понимает русского! И начала то же самое, но уже на иврите, впрочем, завершив парой-тройкой русских слов. Подруги девицы жались по углам школьного дворика — таких сумасшедших русских они еще не встречали. Из школы тоже никто благоразумно носа не показывал. Но, кстати, помогло. Больше дочь никто не обижал. Макаренко со Споком обзавидовались бы.

Но вернемся к поруганной стирке. С когда-то белой футболкой в руках Ника позвонила в соседскую дверь и мирно попросила больше так не делать. — Слива, — отрешенно сказала соседка. И добавила: — Геверет. Типа извините. Те. А Ника пошла перестирывать белье.

Неделю спустя история повторилась. Ника не могла поверить своим глазам. Белье опять было подвергнуто поруганию марокканской грязной водой. Чтобы успокоиться, Ника

занялась трудотерапией — стала мыть полы. Все тем же израильским способом. Затем собрала грязную воду в ведро и направилась к лестнице.

Когда соседка с невозмутимым лицом открыла дверь, Ника чуть отодвинула женщину плечом и выплеснула воду в квартиру. Плеснула с размахом — высоко, задорно. Чтобы и на стол обеденный (стоящий по марокканскому обычаю напротив входной двери) попало, и чтобы брызги красиво расположились по стенам. Красота и гармония ведь должны быть во всем. Верно?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.